

ЧТОБЫ НЕ СОРВАЛОСЬ...

Соб. музей гур. - 1983
8 5011-05

Спектаклем «Серебряная свадьба» А. Мишарина открыл сезон МХАТ имени М. Горького в проезде Художественного театра. И, как всегда, возникает естественный вопрос: каковы творческие планы! Слово — художественному руководителю театра Олегу ЕФРЕМОВУ.

— Честно говоря, не хочется традиционно рассказывать о том, что будет, заранее «публиковать» все наши планы. А то ведь у нас есть специалисты, которые занимаются только тем, чтобы уличить художника. Вот, мол, обещали, а не сделали. И вообще у меня с застойных времен набилась оскомины от широковещательных заявлений на пороге сезона. Помню, как К. А. Ушаков (тогдашний директор МХАТа) дал интервью газете «Правда» в начале сезона и рассказал о том, что МХАТ собирается ставить «Старика» Юрия Трифонова. Кто-то там «наверху» прочитал информацию, и, бог ты мой, какой начался скандал. В результате спектакль, который должен был ставить у нас Лев Додин, не состоялся.

Хочется говорить не только о том, что мы собираемся выпустить. Надо понять, на каком этапе жизни Художественного театра мы находимся. Чего мы хотим от искусства, от самих себя. Что вдохновляет? Что не удовлетворяет? Что надо обязательно сделать?

Ну, конечно, репертуар. Некоторые наши любимые авторы молчат, и молчание затянулось. Но это результат глубоких размышлений писателей, не сомневайтесь. Сейчас огромны потребности в новом герое, в человеке нового мышления, о котором мы так беспрерывно и много толкуем. Но как перевести это новое мышление в поступок, в поведение человека? Мы ведь только говорим о новом мышлении, а на самом деле пока по уши сидим в прежних навязках, в старом понимании вещей, в жутком, если хотите, криминальном отношении к человеку. Проповедуем,

конечно, мораль и нравственность, но отстаиваем их с помощью кулаков. И лозунг «бороться до конца», кажется, все еще держит наши умы в рабском режиме.

Вот об этом хочется думать в искусстве, об этом хочется найти современную пьесу.

Есть ли эти тенденции в нашем репертуаре? И что их подтверждает? Мы были этим летом в Перми. Привезли туда практически весь наш репертуар. За несколько последних лет это были важнейшие для нас гастроли, в которых мы хотели понять самих себя и наше отношение с российским зрителем. В искренности и непосредственности этого зрителя в Перми сомневаться не приходится. Там же, в Перми, мы столкнулись и с очень интересной мыслящей театральной критикой, воспринимающей театр по-живому. Эти гастроли показали, убедили меня в том, что путь, который нащупывался в эти самые трудные для МХАТа последние годы, оказался верным. Театр живого чувства, живого сценического переживания, напряженного человеческого контакта с публикой — вне этого я не мыслю ни профессии актера сегодня, ни судьбы современной сцены вообще.

— Мы видим, как в силу общественных настроений и множества других причин зритель отходит от театра, перестает им интересоваться. Театр стоит на распутье. Чем завлечь? Дешевкой? Или живым переживанием, которое только одно способно зазечь «вольтуво дугу» общения? И чтобы не было никакой конъюнктуры, ни старой, ни новой, — вот о таком театре думаешь, в таком теат-

ре хочется работать. Но это, конечно, как идеал.

В новом сезоне мы продолжим сотрудничество с Людмилой Петрушевской, открытой нами для себя в прошлом году. Ее талант поразительно человечен, она видит и пишет современного человека на самой глубине. В ней живет ощущение истории, и в ее пьесах есть дух катарсиса, о котором часто забывают наши драматурги и театральные деятели.

Закон сценического развития требует сегодня выдвигения новых поколений художников. Внутри Художественного театра это прежде всего относится к нашим, как их во МХАТе называли, середнякам и молодежи. Эта проблема одна из главных внутренних проблем нашего коллектива.

— Но МХАТ был в этом году не только в Перми, а и в Англии, и Ирландии, где игрался «Дядя Ваня» и «Чайка». Как прошли эти гастроли?

— Мне не очень удобно рассказывать об успехах. Пусть газета опубликует обзор прессы английской и ирландской, а кстати, и пермской, что не менее важно и не менее интересно. Одно могу сказать — эти гастроли для меня стали еще одним подтверждением того, о чем я уже сказал: нет ничего выше живого театра, нет ничего важнее живого переживания на сцене, подлинного общения и подлинного живого контакта со зрителем. На некоторых спектаклях в Лондоне и Дублине такой контакт возник. А это самая большая радость для актеров, для театра. Эту традицию русского театрального искусства надо не только сохранить, но и постараться развить, продолжить.

— Олег Николаевич, но все-таки, что же будет в новом сезоне!

— Ну, от вас, видимо, не отобьешся. Будет и Чехов, и Пушкин, и Куприн, и Петрушевская, и, надеюсь, Гельман, и кое-кто еще, о чем говорить не буду. Чтобы не сорвалось.